

ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ОБЛИК ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е.А. Дербин, А.И. Подберезкин

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Рецензия на монографию «Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации» под редакцией С.Р. Цырендоржиева. «46 ЦНИИ» Минобороны России, 2018. 521 с.

Рецензируемая книга представляет собой коллективную монографию С.Р. Цырендоржиева, Б.В. Куроедова, А.О. Медина, О.В. Сандарова, В.Л. Гладышевского, Е.В. Горгола, Р.С. Белорозова, В.С. Брезгина, А.С. Желтухина и М.В. Тимофеева, посвящённую обоснованию перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации.

Ключевые слова: международная и военно-политическая обстановка, военная политика, Министерство обороны, военное строительство, угрозы безопасности.

Радикальные изменения в международной и военно-политической обстановке (МО и ВПО) последних трёх десятилетий привели к качественным изменениям в военной политике основных государств как на военно-теоретическом, так и военно-техническом уровне. Поэтому рецензируемая работа выходит далеко за рамки заявленной темы, предлагая не только оригинальную и практически нужную в новых условиях концепцию, но и широкий спектр тем для крайне актуальной дискуссии относительно эффективности военной политики России, включая её основную часть – эффективность стратегического сдерживания – в качественно новых условиях формирования современной военно-политической обстановки. Эта работа, во-первых, итог многочисленных

Поступила в редакцию 12.04.2018 г.

Принята к публикации 9.06.2018 г.

дискуссий и обсуждений последних лет в творческом коллективе ведущего межвидового НИИ Минобороны страны, а во-вторых, расширение спектра исследований этим коллективом за пределы военно-технической проблематики и анализа конкретных военных программ в область военно-политических отношений и другие отрасли наук.

Особенную актуальность эта тема приобретает в силу ряда причин, вытекающих из новой Стратегии социально-экономического развития России, заявленной президентом РФ В.В. Путиным в его послании ФС РФ 1 марта и Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г., в котором сформулировано поручение правительству России разработать прогноз и стратегический план развития страны до 2024 г.¹ Оба документа, как известно, требуют для своей реализации огромные дополнительные ресурсы, оцениваемые в дополнительные 18 трлн руб. до 2024 г., что, в свою очередь, неизбежно ведёт к определённой переоценке ресурсно-экономических возможностей и приоритетов России. Более того, уже сегодня, в середине 2018 г., ясно, что реализация этих задач потребует, как минимум в полтора раза больше средств, которые можно получить только в качестве результата ускоренного развития и перераспределения бюджетных приоритетов. Это касается в первую очередь обоснованности решений о приоритетах тех или иных программ финансирования военной политики страны, которые, повторю, придётся реализовывать в объективно ухудшающихся внешнеполитических условиях.

Стратегическое планирование

Авторы работы изначально справедливо замечают, что «эффективность военной политики... зависит от обоснованности её цели, задач, выделяемых на их решение людских и материальных ресурсов, политической воли военно-политического руководства на реализацию избранного политического курса и качество государственного и военного управления» (с. 8), т.е. целого спектра политических, психологических и социально-экономических факторов, которые во многом определяют масштабы и темпы военного строительства и направления в развитии военного искусства. Это очень важная исходная точка для анализа потому, что именно политические цели военной политики в последние десятилетия становились предметом споров в российской правящей элите. Переоценка таких целей – наиболее резкая перемена в военной политике, которая неизбежно ведёт к радикальным изменениям в планах военного строительства. Так, переоценка политических задач в период правления Н.С. Хрущёва и М.С. Горбачёва привела к резкому сокращению ВС СССР и радикальным изменениям в их структуре, внешнеполитический курс Б.Н. Ельцина – к фактической деграда-

¹ Путин В.В. Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018. Путин В.В. Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». 7 мая 2018 г.

ции ВС РФ и ОПК страны, а возвращение приоритетов национальной безопасности в период президентства В.В. Путина – к восстановлению военной мощи России.

При этом авторы считают, что «основным способом решения научной части этой проблемы является разработка теоретических основ для научного обоснования таких исходных данных для последующего планирования военного строительства, как облик военной организации и её компонентов, параметры ресурсного обеспечения» (с. 8). Действительно, стратегическое планирование в любой области, включая военную, требует максимально полных и достоверных исходных данных, которые могут быть разработаны только на научно обоснованной теории.

Именно разработка теоретических основ и научного обоснования принимаемых решений в области внешней и военной политики представляется мне сегодня особенно актуальным потому, что характер изменений в международной и военно-политической обстановке (МО и ВПО) последних лет говорит о необходимости достаточно принципиального пересмотра целого ряда положений, ставших традиционными в предыдущие годы. Эти новые теоретические подходы должны помочь в преодолении накопившихся за последние десятилетия противоречий. В частности, как справедливо отмечается в исследовании, в отношении реально необходимых для обеспечения военной безопасности ресурсов страны. Между тем, как совершенно справедливо отмечено в работе, «глубоких военно-научных исследований в области военного строительства (за последние 10 лет) не проводилось» (с. 10). Это объясняет тот факт, что мы наблюдаем не всегда эффективные расходы на те или иные программы военного строительства или подготовку личного состава вооруженных сил.

Авторы совершенно справедливо подчёркивают, что «военное планирование и его элемент – планирование военного строительства – организуются в рамках стратегического планирования в Российской Федерации». Это означает не только необходимость следования принципам, но и неизбежно зависит от качества стратегического планирования в России в целом уровень которого, к сожалению, остаётся крайне низким. Отказ от стратегического прогнозирования и планирования, которые были заметным научным достижением в СССР (и получили в дальнейшем быстрое развитие в США, Великобритании и даже Австралии), но от которых отказались с конца 80-х гг. прошлого века вплоть до самого недавнего времени, привело к разрушению научных школ и отставанию в этой области от результатов, достигнутых в стратегическом планировании не только КНР, но и ведущих стран Запада.

Достаточно сказать, например, что даже краткосрочный прогноз развития экономики России в 2016-2017 гг. пересматривался, как минимум, по три раза. Это означает, что система поддержки принимаемых решений (СППР) фактически оказывается не рабочей не только в области социально-экономического и финансового развития, но и в области военного строительства.

Во многом это объясняется тем, что стратегический прогноз и планирование социально-экономического развития России последних десятилетий практически не учитывал влияние внешних факторов (за исключением прогноза возможных цен на углеводороды, которые также не подтверждались) – вероятные сценарии развития МО и ВПО в мире и их последствия для России, ограничившись фактически макроэкономическими показателями, что неизбежно привело и к последствиям в стратегическом планировании военного строительства, которое нормативно ограничивалось в начале века в России расходами в 3,5% ВВП.

В предлагаемой работе авторы обосновано предлагают оригинальную концепцию системы поддержки принимаемых решений (СППР), в основе которой находится долгосрочный прогноз развития МО и ВПО и наиболее вероятный сценарий их развития, а те, в свою очередь, лежат в основе как вероятного характера опасностей и угроз для России, так и обоснования для необходимых ресурсных возможностей (рис. на стр.16). Причём разрабатываемые методики должны, по мнению авторов работы, обосновать требуемые для обеспечения заданной степени военной безопасности значения показателей облика ВС РФ и других войск, которая должна быть оценена количественно.

Сценарии развития

Авторы справедливо предлагают несколько наиболее вероятных сценариев развития МО и ВПО в долгосрочной перспективе, не исключая изначально самые разные возможные и вероятные их варианты, которые очень по-разному будут влиять на военную политику России в будущем. К сожалению, нередко мы становимся свидетелями некоей моды в переоценке тех или иных факторов, чего удалось избежать авторам работы. В частности, переоценки как значения процессов глобализации, так и влияния новых центров силы (к сожалению, в некоторых анализах и прогнозах нередко желаемое выдаётся за действительное): лидерство Запада уже «списано» и отдано другим центрам силы. Правда же заключается в том, что контроль Запада (финансовый, экономический, информационный и военный) в целом пока сохраняется, а переходный период ещё только начался и не известно как быстро он будет происходить и как быстро закончится. Более 50% (а в некоторых аспектах – более 90%) финансовых, экономических, информационных и военных ресурсов находятся де-факто в руках западной коалиции. Так, на США в 2017 г. приходилось 24,3% глобального ВВП, а в 2000 г. она составляла 32,5%. Второе место по номинальному ВВП уже действительно занимает КНР – 14,8%, которая в среднесрочной перспективе обгонит США (но на самом деле «Европа» может считаться на втором месте по объёмам ВВП, имея примерно столько же, сколько и США объёма экономики).

Таким образом, надо объективно признать, что «объединённый Запад», представляющий собой сегодня широкую военно-политическую коалицию, пока что контролирует более половины мирового ВВП, три четверти военной

мощи и военных расходов. И Запад не только сохраняет инициативу, но и отнюдь не собирается добровольно с этим лидерством расставаться. Вместе с тем в перспективе эта тенденция возвращает мир к классической схеме соперничества центров силы – так называемой «ловушке Фукидида» (древнегреческого историка, считавшего, что быстрое развитие Афин толкнуло Спарту на Пелопонесскую войну) – поэтому мир постепенно возвращается к «ситуации столетней давности, к чему-то похожему на десятилетие перед Первой мировой войной»², как справедливо полагает известный топ-менеджер Александр Лосев. И мы как раз находимся накануне таких глобальных перемен, в которые мы медленно, но уверенно вползаем. Как, впрочем, не только накануне 1914 г., но и на всём протяжении человеческой истории, которая демонстрировала взлёты и падения одних стран и цивилизаций, сменявшиеся периоды господства и подчинения.

В этой череде качественных изменений МО на всём протяжении истории наступает период, когда та или иная локальная человеческая цивилизация (ЛЧЦ) может вырваться вперёд, используя для этого силовые методы политики, прежде всего военные. Такой рывок будет означать неизбежную войну, но уже не между государствами-нациями, а цивилизациями и их коалициями. Причём войну, конечной целью которой неизбежно будет ликвидация другой системы ценностей, а, значит, и нации, войну, не допускающую, как прежде, компромиссов и промежуточных результатов.

Соответственно, этот переход, который ещё не произошёл, но который уже всеми (в том числе и США) ожидается, заставляет планировать будущее по-новому. Это ожидание обозначилось ещё в прошлом веке, но США удалось его умело отложить до тех пор пока они не ликвидировали свой главный потенциальный центр соперничества – СЭВ и ОВД, а затем и СССР. Переход к многополярности, отмеченный ещё в политических документах партийных съездов КПСС 70-х гг., вновь стал актуальной темой потому, что в России в одно время правящая элита согласилась с возникшей в реальности однополярностью, но затем, вдруг «прозрела» и обнаружила, что процесс перехода не останавливался, протекал по мере быстрого роста экономик КНР, Индии, Бразилии и ряда других стран. Поэтому важнейшая задача сегодня заключается в том, как лучше всего организационно и военно-технически подготовиться к новому формату МО и ВПО, ожидаемому в будущем, – не растрачивая бездумно и неэффективно национальные ресурсы, но в то же самое время обеспечивая эффективное стратегическое сдерживание.

Качественно новое состояние МО и ВПО, формирующееся в настоящее время, требует, во-первых, по мнению авторов, прежде всего разработки (уточнения) системы понятий, очерчивающих область исследования – факторов и условий, определяющих МО и ВПО, а также системы соответствующих показателей,

² Лосев А. «Трампономика»: первые результаты. Эрозия Pax Americana и торможение глобализации / Валдайские записки, 2018. № 87. С. 25. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/20640/> (дата обращения: 20.05.2018 г.)

во-вторых, разработки логико-аналитических зависимостей модели обоснования основных показателей облика военной организации (ВО) РФ, а в-третьих, разработки методологии ресурсно-экономического обоснования облика ВО РФ (с. 20–21). Наконец, в-четвёртых, необходимо создание основ автоматизированной системы поддержки принимаемых решений по обоснованию перспективного облика военной организации России. Подобная постановка теоретических задач преследует конкретные практические цели повышения эффективности стратегического планирования в области военного строительства России.

Очень важная часть работы относится к анализу системы понятий, описывающих обеспечение военной безопасности, требующих уточнения их сущности в новых условиях. Так, авторы справедливо отмечают, что само понятие «военная безопасность» находится «вне фокуса органов государственного и военного управления», приведя в качестве иллюстрации множество примеров из основных нормативных документов (стр. 23-24). В частности, отмечается, что в основном правовом документе – Федеральном законе «Об обороне», а также законе «О безопасности» понятие «военная безопасность» не упомянуто ни разу (стр. 24). Из этого следует несколько важных выводов, на один из которых необходимо обратить особенное внимание, а именно: **«военная безопасность есть психологическая оценка уровня военной угрозы РФ»** (стр. 27).

При этом авторы обращают внимание на тот факт, что, по их мнению, концептуальные документы (Стратегия национальной безопасности РФ, Военная доктрина России и др.) разрабатывались преимущественно представителями Министерства обороны РФ, что привело к тому, что область «обороны» рассматривается значительно подробнее, чем область «военной безопасности». Действительно, безопасность чаще всего именно и сводится к обороне, что в современных реалиях уже не соответствует действительности. Так, в Положении о Министерстве обороны РФ указано, что «Минобороны осуществляет следующие полномочия:

«... 73) в пределах своей компетенции внешнеполитическую деятельность по вопросам обороны и военной безопасности..., международное военное сотрудничество и военно-техническое сотрудничество;

74) Участвует в переговорах по проблемам безопасности, сокращения (ограничения) вооружённых сил, а также по другим военным вопросам» (стр. 28).

Таким образом, если за оборону отвечает конкретно Минобороны, то ответственность за безопасность страны, включая военную безопасность, размыта, т.к. она не является компетенцией какого-то конкретного федерального органа исполнительной власти.

Опасности и угрозы

Особенно важное значение в анализе, прогнозе и стратегическом планировании военной политики государства приобретает анализ сущности и особенно-

стей военных опасностей и угроз, которым посвящён специальный раздел работы, официальное толкование которым дано в Военной доктрине России. Авторы справедливо предлагают в качестве корректного использования определения для (военной) опасности и угрозы как «возможность (в разной степени) нанесения ущерба применением военной силы» (с. 30).

Вместе с тем, на наш взгляд, такая корректировка не вполне достаточна. Она не учитывает два обстоятельства. Во-первых, то, что военная сила может применяться в качестве политико-психологической формы угрозы (имплицитной и эксплицитной), а также, что современное силовое противоборство предполагает гибридные формы применения военной силы и невоенного насилия. Поэтому было бы точнее, на наш взгляд, использовать понятие не военной силы, а просто силы (насилия) или, как это делают в современный период в США, «силовое принуждение». В этом смысле опасности и угрозы возникают в более широком диапазоне средств политического воздействия. Так, например, использование социальных сетей может привести к возникновению и реализации угрозы внутривосточного и международного конфликта, который может приобрести самые разные формы вооруженного насилия.

В этой связи авторы совершенно справедливо утверждают, что «... военная опасность и военная угроза представляют собой не состояние военно-политической обстановки, а, соответственно, абстрактную или непосредственную возможность применения военной силы и являются важнейшим показателем содержания военно-политических отношений...» (с. 31). Таким образом, «военная угроза – это непосредственная возможность применения военной силы против субъекта ВПО», – делают конечный вывод авторы работы.

Этот важный вывод, однако, он требует комментариев. Дело в том, что намерения и возможности могут быстро меняться, а военные и иные силовые средства изменяются значительно медленнее. Так, намерения у Великобритании относительно СССР в короткий период 1939–1940 гг. менялись на прямо противоположные – от высадки корпуса десанта до подписания союзнических соглашений. Поэтому тщательное изучение такой категории как «возможность», в особенности если речь идёт о материальных возможностях, а также способах их использования, – должны быть приоритетным направлением в анализе и прогнозе вероятных опасностей и угроз. В этом смысле совершенно оправдано отчётливое разделение рисков и вызовов, способных привести к перерастанию опасностей в угрозы, предложенные авторами работы, а также тщательный анализ характера военной угрозы, предлагаемый авторами, где политические цели справедливо занимают приоритетное положение (с. 31, 34, 37). Надо признать, что в анализе характера военных опасностей и угроз авторы пошли значительно дальше, чем это существовало в предыдущие годы.

Отдельного разговора заслуживает попытка авторов сделать детальную классификацию угроз, которая, по их мнению, зависит прежде всего от сущности объекта национальной безопасности, в первую очередь тех, которые относятся к

категории «жизненно важные интересы», либо в интерпретации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации «национальные интересы», которые они ассоциируют с «национальным достоянием» (как совокупности материальных и духовных ресурсов). В этой связи обращает на себя внимание попытка авторов структурировать понятие «национальное богатство» и тождественные им «национальные интересы» в три группы с целью более точного вычленения возможных угроз и опасностей (с. 47):

- первая группа – возможные угрозы разрушения, девальвации, дезинтеграции, отчуждения существующих **национальных общностей**, атрибутов – культуры, самосознания, языка, психического склада, территории, экономики, государственной власти;

- вторая группа – угрозы дезинтеграции **социального капитала** нации (институциональные, организационные и пр.);

- третья группа – угрозы **национальному богатству**, состоящему в свою очередь, из демографического, природного и национального имущества.

На наш взгляд, вычленение этих трёх групп угроз абсолютно необходимо для того, чтобы, как минимум, понимать изменение в характере современного военно-силового противоборства, когда произошло смещение политических приоритетов с третьей группы угроз на первую группу, а, значит, существенно стали меняться как средства, так и способы силового и военного воздействия. Так, в политике США и их союзников последних лет отчётливо прослеживалось стремление усилить силовое давление именно на смену российской правящей элитой её системы ценностей, отказ от национальных интересов и нравственных, правовых норм и традиций. Поэтому нельзя согласиться с утверждением авторов (высказанное с оговоркой) о том, что «наибольшее влияние ... оказывают угрозы её национальному богатству и социальному капиталу» (с. 49).

Очень полезной также представляется попытка авторов классифицировать угрозы и по другим признакам – объекту национальной безопасности, масштабу угроз, характеру и генезису угроз, функциям угроз и т.д., что крайне важно для выработки политики стратегического сдерживания и выбора ответных мер и средств для нейтрализации этих угроз, которые могут радикально отличаться друг от друга. В этой связи особенно важным является классификация авторами антропогенных угроз, которые в сравнении с военными угрозами отличаются большим разнообразием. Главным их отличием, – подчёркивают справедливо авторы, – «являются **средства достижения целей**, которые, по мнению авторов, на современном этапе превращаются во **враждебные действия**».

Вычленение антропогенных силовых (невоенных) угроз, на наш взгляд, является большим достоинством работы: в последние годы о таких угрозах абстрактно говорят многие политики, политологи и даже военные руководители (например, В.М. Герасимов), но попыток их детального анализа и структурирования – немного. Поэтому предлагаемая авторами структура невоенных угроз, заслуживает самого серьёзного внимания и одобрения (с. 52). Эта структура во

многим совпадает со структурой военных угроз не случайно – в таком совпадении видится, на наш взгляд, усиливающийся синтез военных и невоенных угроз, средств и способов политического воздействия. В частности, как отмечается в работе, это выражается в «размытости границ начала и окончания применения военных мер». Примером такой «размытости» становится использование нерегулярных вооружённых формирований, террористических (можно добавить – экстремистских) организаций и способов.

В этой связи приветствуется попытка авторов внести ясность в такое понятие как «гибридная война», которое получило широкое распространение среди политиков, журналистов и части экспертов. Они, в частности, отмечают, что в отличие от зарубежных авторов в российской военной науке характерен консерватизм и «ответственность в отношении к изменениям в системе понятий», например, в определении войны как социально-политического явления, «основным содержанием которого является широкое применение военной силы», как «крайняя форма борьбы» и т.д., что, по мнению авторов, показывает «отсутствие необходимости её расширительной трактовки и применения таких понятий как гибридная война, экономическая война и т.д.» (с. 54-55). Это – принципиальное заявление авторов, с которым, на наш взгляд, можно поспорить.

Именно в последние десятилетия характер враждебных действий и характер отдельных видов военных действий стал не просто «размытым», но и фактически не различимым: в Сирии, например, как и на Украине, формальное военное участие США и их коалиции не признаётся, но именно ими формируется ВПО в этих странах и регионах. Так, «внешние спонсоры» этих конфликтов – по сути скрытая форма признания их прямого участия в военных действиях, которая, учитывая абсолютную секретность операций, может оставаться таковой многие годы, но в действительности в решающей мере влиять на ход и исход военных действий, а не только военно-силового противостояния сторон.

Авторы работы также отмечают два важных дополнительных обстоятельства использования невоенных угроз и средств политики. Во-первых, приоритет невоенных средств и методов по обеспечению политических целей, который, на наш взгляд, радикально усиливается. Во-вторых, несиловые (невоенные) угрозы и меры их реализации отличаются наибольшим количеством разновидностей. Их структура по принципу объекта воздействия, по мнению авторов, аналогична военным мерам и средствам. Так, по масштабу, например, они могут быть глобальными и не носить абстрактный характер.

Невоенные опасности и угрозы

Отдельного внимания заслуживает раздел, посвящённый возможным невоенным мерам противодействия военным угрозам (с. 59-66), в котором подробно рассматривается не только сущность этих (невоенных) мер, но и основные факторы, определяющие характер угрозы, где в качестве источника военной угрозы

выступают различные противоречия. При этом следует обратить особое внимание на такой вид противоречия, как «цивилизационный», справедливо выделяемый авторами работы, но нередко игнорируемый в практической политической и военной деятельности.

Вместе с тем авторы акцентируют внимание прежде всего **на источнике** военной опасности и угрозы и необходимости воздействия на него силовым, либо даже военным способом. Это представление выглядит несколько устаревшим потому, что произошла очень серьёзная эволюция в характере угроз в последние десятилетия: смена основных приоритетов и объектов силового воздействия неизбежно влечёт за собой смену представлений об опасностях и угрозах. То, что считалось прежде самой важной и самой опасной угрозой, сегодня перестаёт быть таковой. В частности, если речь идёт о физической оккупации территории, которая сегодня может контролироваться ВКС и силами специальных операций.

На наш взгляд, в военной политике при выборе приоритетов гораздо эффективнее сегодня ориентироваться не на источник опасности или угрозы, а на **собственные национальные интересы** (например, уровень развития экономики, НЧК и др.), которые совсем не обязательно и неизбежно могут стать объектом для внешних опасностей и угроз. Гораздо опаснее, как оказывается, игнорирование собственных интересов, что и превращается во внутреннюю, но ещё более опасную угрозу. Как показывает опыт СССР, стремление провести реформы, ориентируясь на чужие ценности и интересы под предлогом снижения риска внешних угроз, привело к разрушению общества, экономики и государства – именно тому, чего больше всего и добивались наши внешние противники, но что было сделано (в том числе и под их влиянием) преимущественно «собственными силами».

Исключительно важное значение в работе имеет определение сущности невоенных мер, которые являются «комплексом мероприятий и действий, направленных на устранение противоречий между РФ и другими субъектами ВПО или снижение их конфликтности дипломатическими, политическими, информационными и экономическими мероприятиями» (с. 63).

На наш взгляд, это очень узкое и не вполне точное определение: невоенные (силовые) меры могут и являются средством не только военно-силовой политики, но и более широкой политики достижения национальных интересов, причём как оборонительных, защитительных, так и иных. Они приобретают всё более важное, иногда исключительное значение в современный период, не только «для устранения противоречий», но и для достижения вполне конкретных политических целей. Так, использование военной силы и не вооружённых отрядов самообороны в Крыму и на Восточной Украине в 2014 г. не являлось ни применением невоенной силы в ответ на военную угрозу, ни, тем более, использованием военной силы «в чистом виде». Асимметричность и гибридность силовых приёмов в политике в новом веке стали нормой, более того, неизбежностью.

Именно в результате такого подхода авторы предлагают схему основных направлений невоенных мер, которые они соотносят исключительно с «парированием военных опасностей и угроз» (с. 64). Между тем не только «парирование военных угроз», но и продвижение национальных интересов и ценностей является функцией невоенных силовых инструментов политики. Так, например, утверждение (или изменение) тех или иных национальных норм и правил, их продвижение и закрепление в международном праве и политической практике возможно и необходимо, но без силовых инструментов – нереально. И в этом можно согласиться с авторами, утверждающими, что «особенность невоенных мер состоит в их конкретно-историческом содержании» (с. 64). Как и с тем, что разработка таких мер должна проводиться заблаговременно. Более того, в реальной политике, если этого не происходит, то государство стремительно начинает терять свои позиции в мире. Так, свёртывание с конца 80-х гг. прошлого века в СССР и России своих инструментов силового невоенного применения в политике (фактическая ликвидация обществ дружбы, иностранных редакций, совместных проектов с женскими, молодёжными, профсоюзными и пр. организациями, отказ от работы с зарубежными институтами привели к тому, что среди всех многочисленных и порой очень эффективных невоенных инструментов политики остались только политико-дипломатические и небольшое количество СМИ, которые были уже не в состоянии содействовать продвижению системы ценности России за рубежом и привлекать союзников.

К сожалению, авторы порой формально-традиционно относятся к политико-дипломатической практике как системе невоенных мер, имеющей относительно небольшое значение и постепенно уступающей позиции инструментам «новой публичной дипломатии», которые напротив в возрастающей степени влияют на формирование современной МО и ВПО. В качестве иллюстрации можно привести активность Д. Трампа в социальных сетях, которая нередко становится важнее всех усилий Государственного департамента США (не случайно тот запланировал его существенное сокращение). Переговорный процесс в области ограничения и сокращения вооружений и военной деятельности только в вспалённом мозгу М.С. Горбачёва играл какое-то самостоятельное политическое значение. На самом деле это – всегда всего лишь средство, а не цель, **инструмент** политики, а не сама цель. Причём нередко – только военной политики, которая для США имела смысл только в случае односторонних уступок и компромиссов со стороны СССР и России. То, что это было именно так, доказывает одно простое обстоятельство: как только Россия перестала делать односторонние уступки, весь переговорный процесс превратился в затяжную и незначительную по своему политическому значению процедуру. Именно это происходит сегодня и последние годы. В настоящее время США форсировано разрушают все механизмы и договорённости в этой области просто-напросто потому, что они им уже не нужны при реализации нынешней военной и внешней политики силового

принуждения других субъектов ВПО. Такая политика силы, как известно, очень слабо сочетается с переговорами.

Аналогичная ситуация возникает и тогда, когда авторы рассматривают военную политику России, «высшей целью которой они объявляют предотвращение военных конфликтов, обеспечение суверенитета и территориальной целостности государства» (с. 67). Этот подход, безусловно, заметно сужает функцию военной политики, которая сводится в целом к защите национальных интересов и ценностей, причём не только государства, но и всей нации, общества и отдельных личностей. Это, вне сомнений, означает, что при необходимости военная политика **будет использовать вооружённое насилие для защиты этих ценностей и интересов, а не только служить целям стратегического сдерживания и предотвращения военных действий (СС и ПВД)**. Кстати, сами авторы в предлагаемом изображении структуры военной политики, говоря о внутренней и внешней её стороне, вполне определённо упоминают как возможность и необходимость применения военной силы для разрешения внутренних, так и внешних конфликтов (с. 69).

В целом, говоря о теоретической и методологической части работы по исследованию военной организации России, можно вполне согласиться со смелыми и обоснованными выводами, смысл которых сводится к тому, что существующие теоретические представления в российской науке уже отстают от реалий и не могут служить локомотивом в развитии военно-теоретической мысли. При этом, особенно важное значение, на наш взгляд, приобретает утверждение военных экспертов о том, что «в современных условиях очевидна возрастающая роль невоенных угроз и враждебных акций практически без применения военной силы...» (с. 74).

Научно-методический аппарат

Для того, чтобы иметь право сделать такие выводы, авторы проделали большую работу, включая деятельность по созданию научно-методического аппарата (НМА) оценки состояния военной безопасности, который включает целый комплекс аналитических методик – оценки конфликтного потенциала намеренных субъектов ВПО, военного потенциала противостоящего субъекта, влияния силового стратегического сдерживания РФ на ВПО, каждая из которых в свою очередь состоит из целого ряда частных методик. Часть из них заимствована авторами, но часть – оригинальна, разработана специально в интересах исследования. Принципиальное значение, на наш взгляд, имеет построение авторами концептуальной модели национальной безопасности и модели формирования национальной и военной безопасности РФ (с. 86-87).

Особенный интерес может вызвать раздел, посвящённый формированию военно-политической обстановки (раздел 2.1.1.), в котором авторы исследовали напряжённость отношений между РФ и одним из субъектов ВПО, зависящую

прежде всего от конфликтности военной политики оппонента и его военного потенциала. Предложенные подходы и методы аналитического исследования, безусловно, могут быть полезны, а сам подход – выбор показателя «обобщённый конфликтный потенциал» и «потенциал конфликта интересов» – обоснован.

Представляет также интерес попытка классификации ВПО по масштабу (ВПО в мире, в регионе, в отдельной стране, в части страны), с которой, однако, можно поспорить. На наш взгляд, существует наиболее глобальная ВПО, в рамках которой (как и в рамках глобальной МО) формируются региональные и страновые ВПО, т.е. отдельные ВПО могут рассматриваться как часть от более общей. Так, глобальная ВПО характеризуется конфронтацией между Россией и западной военно-политической коалицией, которая вытекает из глобальной МО. Соответственно, региональная ВПО, например, в Передней Азии (в Юго-Восточном Средиземноморье и Ближнем Востоке) характеризуется преимущественно этими факторами, хотя наличие огромного числа региональных и локальных субъектов и акторов существенно дополняет эту характеристику. Тем не менее, региональная ВПО, а тем более ВПО в стране не может принципиально противоречить глобальной.

Этот спор носит отнюдь не только теоретический, но и прикладной характер. Так, в Сирии, например, влияние «внешних спонсоров» террористов – стран-участниц западной военно-политической коалиции, предопределяет весь процесс регионального развития ВПО, хотя, надо признать, некоторые эксперты отдают предпочтение большему влиянию местных факторов. Причём эти эксперты относятся как к числу сотрудников МО РФ, так и числу ответственных сотрудников МИД.

Можно также согласиться и признать полезной попытку классифицировать ВПО на ВПО «мирного времени» и «военного времени», а также по степени изменчивости – на «стабильную», «нестабильную» и «переходную» (с. 99-105), в соответствии с которыми предлагаются критерии напряжённости ВПО и приняты попытки их количественного анализа. Особенно интересна частная методика оценки эффективности невоенных мер снижения напряжённости ВПО, основанная на политико-дипломатических отношениях субъектов ВПО в зависимости от их уровня, оцениваемого по специальной шкале от 1.1 до 1.4 и 2.1 до 2.4.

Определённое теоретическое и методологическое значение имеет обращение авторов к очередной попытке оценить состояние военного потенциала государств, которое вызывало многочисленные споры. Эта попытка предназначена для получения количественных оценок состояния военного потенциала государства относительно ситуации на глобальном и региональном уровне. Авторы выделяют ряд показателей (с. 135-138), которые сознательно ограничивают по их количеству наиболее важными, полагая, что в каждой из групп достаточно по 3–8 показателей, что, на наш взгляд, недостаточно. Мы не предлагаем (как это делается в некоторых исследованиях ООН, где присутствует более 200

показателей и критериев) сделать их численность чрезмерной, но современные возможности сбора и обработки информации вполне позволяют увеличить численность таких показателей до нескольких десятков, даже сотни. Так, рассматривая показатель военно-экономического потенциала, авторы используют шесть критериев (с. 137), один из которых – ВВП страны – требуется конкретизировать и дополнить такими понятиями, как наукоёмкость, производительность труда, объёмы приборостроения и т.д., включая показатели бюджета и внешней торговли.

Особенный интерес вызывает попытка авторов сценарного планирования развития МО и ВПО, которой уделяется в работе значительное внимание, и которая особенно актуальна в последние годы. В частности, авторы выделяют в качестве наиболее вероятных следующие: «Жёсткая глобализация», «Умеренная глобализация», «Биполярность 2.0», «Возвышение Китая», «Регионализация» и «Хаос», которые рассматриваются под различными углами зрения и с точки зрения наибольшей вероятности их реализации (с. 335-374). В целом мы согласны с основными направлениями исследования и анализа, и прежде всего, с выводом относительно возможности построения реалистических моделей и прогноза, получения «объективного и достоверного результата... прогнозирования МО и ВПО», сделанных авторами работы, хотя в ряде случаев и используются другие методологические приёмы.

Наконец, для многих интересна и особенно актуальна будет третья часть исследования, посвящённая основам методологии ресурсно-экономического обеспечения строительства и развития военной организации Российской Федерации, в частности, влиянию основных внешних факторов и последствий развития различных военно-политических сценариев (с. 376-455). В частности, когда речь идёт об использовании совокупности методик, построенных на основе динамической стохастической модели общего равновесия макроэкономического анализа и прогнозирования для военного планирования (ДиСОП МАП ВП).

В качестве закономерного и естественного результата проведённого комплексного исследования авторы обосновывают основные задачи перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации, в качестве которых они подчёркивают необходимость создания системы моделирования ВС РФ, информационного обеспечения взаимодействия ситуационных центров и особенностей мониторинга угроз национальной безопасности России (с. 457-470). Особенно акцентируют авторы своё внимание на необходимости создания системы поддержки принимаемых решений (СППР), обосновывая её функции, основные задачи и структуру, а также очерчивая строго те требования, которым она должна соответствовать.

Подытоживая, могу сказать, что рецензируемая работа представляет собой оригинальное, добросовестное и поисковое исследование, которое сегодня крайне необходимо при обсуждении и реализации планов военного строительства в долгосрочном периоде в связи с поручением Президента РФ правительству о

подготовке соответствующего прогноза и плана развития до 2024 г., а также для стимула в активизации научно-исследовательских работ в области стратегического прогнозирования и планирования.

Особенное значение имеет тот факт, что работа стала результатом исследования большого коллектива людей, которые в течение нескольких лет концентрировали своё внимание исключительно на этой проблематике. Этот сделало результат поисков ещё более значимым и весомым.

Об авторах:

Алексей Иванович Подберёзкин – д.и.н., профессор кафедры всеобщей и отечественной истории МГИМО, директор Центра военно-политических исследований МГИМО – Концерна ВКО «Алмаз-Антей», академик АВН и РАЕН. E-mail: vestnik@mgimo.

Евгений Анатольевич Дербин – д.воен.н., профессор Финансового уни-верситета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: vestnik@mgimo.

THE FUTURE IMAGE OF THE MILITARY ORGANIZATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

E.A. Derbin, A.I. Podberezkin
DOI 10.24833/2071-8160-2018-3-60-210-224

Financial University under the Government of the Russian Federation

Book under review: «The concept of future appearance of power components of the military organization in the Russian Federation» edited by S.R. Tsyrendorzhiev. 46th Central research Institute of the Ministry of defense of Russia, 2018. 521 p.

The book under review is a collective monograph edited by S.R. Tsirendorzhiev, B.V. Kuroedov, A.O. Medin, O.V. Sandarov, V.L. Gladyshevskii, E.V. Gorgol, R.S. Belorosov, S.V. Brezgin, A.S. Zheltukhin and M.V. Timofeyev. The monograph is devoted to the justification of long-term appearance of force components of the military organization in the Russian Federation.

Key words: international and military-political situation, military policy, Ministry of defense, military construction, threats without danger.

About the authors:

Alexey I. Podberezkin – Doctor of Historical Sciences, professor of world and national history, director of the Center for Military and Political Studies of the Russian Foreign Ministry MGIMO, 76. Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: vestnik@mgimo.

Evgeny A. Derbin – Doctor of military Sciences, professor of Finance University under the Government of the Russian Federation. E-mail: vestnik@mgimo.